

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РУССКОЙ АНТРОПОНИМИКИ

УДК 81' 373.

Манликова М.Х.

*д.п.н., проф. кафедры языков Кыргызской государственной академии
физической культуры и спорта*

Аннотация: В статье рассматриваются особенности восприятия национально-культурных особенностей этнокультуроведческой лексики, в частности русской антропонимики (имен, отчеств и фамилий) русскими и киргизскими учащимися, а также методические пути освоения данной лексики.

Ключевые слова: русская антропонимика, национально-культурная специфика имен, этнокультуроведческая методика освоения русской антропонимики.

ОРУС АНТРОПОНИМИКАСЫНЫН УЛУТТУК МАДАНИЙ ӨЗГӨЧҮЛҮГҮ

Манликова М.Х.

*п.и.д., проф. Кыргыз улуттук дене тарбия жана спорт академиясынын тилдер
кафедрасы*

Корутунду: Бул макалада этномаданий лексиканын улуттук маданий өзгөчөлүгүн кабыл алуусун, жеке орус антропонимикасын (аты, жөнүн) орус жана кыргыз окуучуларына жана лексиканын методикалык жолун өздөштүрүүсү каралды.

Негизги сөз: орус антропонимика, улуттук-маданияттын спецификасы, орус антропонимиканын этномаданий котормосунун методикасы.

NATIONAL AND CULTURAL SPECIFY OF RUSSIAN ANTHROPONIMICS

Manlikova M.H.

*Doctor of pedagogical sciences, professor of the Language Department of the Kyrgyz State
Academy of Physical education and Sports*

Abstract: The article considers the peculiarities of perception national and cultural features ethnocultural vocabulary, in particular Russian anthroponimics (name and surname) Russian and Kyrgyz students and methodical way of development of the vocabulary.

Keywords: russian anthroponimics, cultural specify of names, method development ethnocultural Russian anthroponimics.

Актуальность. В действующих программах по русскому языку и русской литературе для киргизской школы под рубрикой “*Приобщение к национально-культурным компонентам текста*”, начиная с шестого класса, указаны некоторые из слов-образов и выражений, характерных для русской на-

циональной словесно-художественной культуры, - таких, которые относятся к *безэквивалентной* “...т.е. не имеющей однословных-однозначных устойчивых соответствий в ряде других языков, в частности – в языке обучающегося данному языку как неродному” [1], и *фоновая* лексика, т.е. “...сло-

ва, содержание которых, наряду с понятием, имеющим эквиваленты в других языках, включает в себя и специфические “непонятные” доли: ассоциации, представления, эмоции” [Там же, с. 167].

В связи с этим мы рассматриваем *этнокультуроведческую лексику*, под которой, вслед за Л.А. Шейманом, понимаем “... словарь, характеризующий систему знаний о специфической культуре определенного народа как историко-этнической общности людей, в условиях нашего курса – о новых для учащихся-киргизов элементах культуры русского народа” [1. С. 167].

Однако, эти указания носят в программах ориентировочный и эпизодический характер. В связи с этим авторы учебников далеко не всегда выделяют слова с национально-культурным компонентом и очень редко снабжают их толкованием в подстрочных, параллельных и алфавитных словарях текстов. Соответственно, и учителя затрудняются в организации и проведении необходимой работы с данной лексикой, не имея под рукой соответствующих лексикографических, этнокультуроведческих учебных пособий. Между тем, программой предусмотрено, что киргизские учащиеся должны уметь выделять и кратко пояснить некоторые слова и обороты, характерные для русской национальной культуры. Национально-культурный элемент свойствен не только именам нарицательным, но и именам собственным, более того – коннотативное содержание их более «открыто», так как имена собственные не выражают понятий. «Имя, появившееся в речи или тексте, обычно соотносится русскими с определенным временем, или с известной территорией, или социальной группой и т.д.» (2, с.99). Но «...имена сами по себе, – как писал известный чешский филолог И.Левый, исследовавший вопросы художественного перевода, – лишь элемент целого комплекса общеизвестных условностей и связей» (3, с.150), а информация, содержащаяся в имени, многообразно отражается в разговорных

формах обращения. Они относятся к разряду коннотативной или фоново-коннотативной лексики: это слова – «...экспрессивно-стилистически отмеченные или отличающиеся повышенным уровнем окрашенности в системе данной культуры» (1, с.168). Они «... всегда апеллируют к некоторому опыту человека, который возникает в результате его воспитания в данной культуре» (2, с. 105). Поэтому целесообразно комментировать имена собственные и обращения вместе, комплексно. Роман А.С.Пушкина «Капитанская дочка», как и другие произведения русских классиков, включенные в программу X класса курса русской литературы киргизской школы, насыщена этнокультуроведческой лексикой, требующей культурно-исторического, ономастического, этнокультурного комментария. Так, к примеру, раскрытию информации о социальном положении персонажа, о его взаимоотношениях с другими, понимание общественных условностей и связей во времена крепостного права способствует ономастическое комментирование такого лексического комплекса, как *Палашка, Савельич, Прошка, ваше благородие, ваша милость, сударь, барин* и т.п. слов, которые встречаются в «Капитанской дочке» А.С.Пушкина. Поскольку данная лексика отягощена национальными ассоциациями, отсутствующими у нерусского школьника, работа над фоново-коннотативными словами сопряжена с определенными трудностями. Непонимание или неадекватное восприятие русского художественного текста, как правило, возникает в результате расхождения слов в плане коннотации. В литературном же произведении зачастую как раз важно донести не денотативно-предметное, а коннотативное значение (художественные оттенки, «созначения»), которое требует понимания и сопереживания совокупности представлений и чувств, таящихся в слове и известных людям, которые воспитывались в русле данной культуры.

Цель – рассмотреть трудности восприятия национально-культурной специфики русских имен, встречающихся в произведениях художественной литературы, изучаемых в курсе языка и литературы в школах Кыргызстана, а также показать методические пути освоения особенностей данной лексики.

Задачи:

1. Выявить русскую ономастику (антропонимы), вызывающих определенные трудности восприятия при изучении русского языка и литературы.

2. Разработать комплексы заданий по определению знаний национально-культурных особенностей русской ономастики (антропонимов) русскими и киргизскими учащимися в ходе констатирующего эксперимента.

3. Разработать методические пути освоения русских антропонимов при изучении произведений русской литературы.

Методы исследования.

Для определения уровня понимания и восприятия национально-культурной специфики выделенных из текстов русской литературы антропонимов (русских имен, отчеств и фамилий) нами был проведен констатирующий эксперимент (ассоциативный и направленный), в ходе которого учащимся русской и киргизской школ Кыргызстана и студентам-первокурсникам (600 человек испытуемых: по 300 русских и 300 киргизских респондентов) были предложены анкеты с комплексными заданиями (См.: 4):

1. Что вы можете сказать о людях, которые знакомы вам только по именам и отчествам: *Еремеевна, Филиппьевна, Савельич, Палашка, Прошка*?

2. Кто они: молодые или старые, крепстьяне или помещики, русские или нерусские?

3. Где встречались вам эти имена и отчества?

Результаты эксперимента показали, что в большинстве своем и в значительной своей части киргизские ученики и студенты не улавливают той национально-культурной информации, которую несут в себе русские имена и отчества.

Правда, 75, 0% испытуемых-киргизов (и студенты, и школьники) правильно определили, что *Савельич, Еремеевна, Филиппьевна, Прошка, Палашка* – русские (25% опрошенных не выполнили задание. Среди них 6% - студенты). Но при определении возраста и социального положения носителей этих имен налицо сплошь и рядом путаница.

Так, 26% киргизских учащихся и 16, 9% студентов сочли, будто *Савельич* (имя слуги-воспитателя Петруши Гринева из «Капитанской дочки») – «помещик», а 41% школьников и 28, 5% студентов отнесли его к «молодым людям». У 38, 9% опрошенных школьников (и у 210% студентов) *Еремеевна* (имя няни Митрофанушки из «Недоросля») тоже оказалась «помещицей», да еще и «молодой» (26, 8%). Не «обидели» они и крепостную «девку Палашку»: 46, 0% школьников и 40, 9% студентов считает, что она «помещица», а остальные информанты предполагают, что это «дочка помещицы», «маленький мальчик» или «девочка» и т.п.

Выяснилось, что все охваченные экспериментом учащиеся русских школ и русскоязычные студенты имеют верное представление о приведенных выше именах: *Савельич* – «дядька», «слуга-воспитатель Гринева», «крепостной слуга-нянька из «Капитанской дочки»; *Еремеевна* – «крепостная старая женщина, русская», «старая няня Митрофанушки из «Недоросля»; *Палашка* – «крепостная девушка», «девушка-служанка Мироновых», *Прошка* – «крепостной мальчик Плюшкина», который «был крепостным у помещика Плюшкина» и «ходил в больших сапогах» и т.п.

Ни в одном ответе киргизских учащихся не указано, что эти люди – крепостные крепстьяне. Большинство из них считает, что так

обращаются «к молодым», «к уважаемым людям, которые много поработали и заслужили отдых», если «к людям обращаются по отчеству, то отношение к ним доброе, уважительное» и т.п. Следовательно, киргизские учащиеся отождествляют, как правило, обращение по отчеству с обращением по имени-отчеству, не улавливая оттенка фамильярности в первом и не ощущая определенного социально-исторического колорита подобных слов. Кроме того, они не схватывают уничижительно-пренебрежительной окраски имен *Палашка, Прошка*. А ведь еще В.Г. Белинский с гневом и болью писал Гоголю о стране, где людей называют «не именами, а кличками: *Ваньками, Стешками, Палашками*» (5, с. 123).

Практические выводы и рекомендации. С учетом результатов констатирующего эксперимента, и следуя рекомендации Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова, мы строили ономастический комментарий исходя из групповой (свойственной любому русскому имени) и индивидуальной (присущей именам, отягощенным литературными ассоциациями и т.д.) информации.

Рассмотрим, как было организовано **ономастическое комплексное комментирование** на одном из экспериментальных уроков в киргизской школе при изучении романа А.С.Пушкина «Капитанская дочка». Остановимся на деталях к образу крепостного дядьки Петруши Гринева – *Савельича*, а также на некоторых особенностях речи Емельяна Пугачева и его сподвижников (См.:6).

Учитель обращает внимание девятиклассников на то, что у Мироновых и Гриневых есть имена-отчества и фамилии (*Иван Кузьмич, Василиса Егоровна, Андрей Петрович, Авдотья Васильевна*) а у крепостных слуг *Палашки и Савельича* их нет. Почему? Учащиеся вспоминают, что и няню Митрофанушки из «Недоросля» Д.И. Фонвизина и няню Татьяны Лариной в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина также звали по отчеству (*Еремеевна, Филиппьевна*), а всеиль-

ный барин Кирила Петрович Троекуров из «Дубровского» называл своих слуг не иначе как *Парамошка, Тимошка* и т.п.

Вместе с учителем ребята приходят к выводу, что имя-отчество характерно для русских людей (а у киргизов не было принято называть по имени-отчеству), причем отчество на Руси употребляется вместе с личным именем по указу царя Петра I только для дворян: *Иван Кузьмич, Василиса Егоровна* (дворяне); но в простонародье отчество могло употребляться самостоятельно: *Еремеевна, Савельич* (крестьяне). Этот последний вариант выражал определенное отношение к лицу, которое так именовалось. Только по отчеству, без имени, обычно обращались к пожилым «простым людям», русским крестьянам (7, с. 73-76). Но чаще всего всю жизнь, до самой старости, крепостных людей называли лишь по имени, да еще с фамильярным или пренебрежительным оттенком: *Палашка, Парамошка* и т.д.

Крестьян тогда обычно никто не называл по фамилии или по имени-отчеству, потому что крестьяне были люди бесправные, подневольные, их можно было купить и продать. Для дворян и помещиков крестьяне – рабы, слуги. А к ним можно относиться бесцеремонно, пренебрежительно или привычно фамильярно. Разве может «природный дворянин» Петр Андреевич Гринев обратиться к своему слуге *Савельичу*, даже если сердечно привязан к нему, по имени-отчеству: *Архип Савельич?* Или Василиса Егоровна – разве может она назвать так же ласково, как свою дочь (*Маша*), крепостную девушку-служанку: *Палашей*, а не привычно – *Палашкой?* Конечно, нет. Это значило бы, что крепостные крестьяне вдруг будто бы окажутся равными с ними, с дворянами! Этого нельзя было даже на секунду представить себе...

Как правильно отмечали ребята, Петруша Гринев или Василиса Егоровна не нарочно «грубят» своим слугам. По сравнению, например, с Троекуровым, они по-доброму относились к крепостным людям. Главное

же то, что форма обращения к слугам стала для них привычной; они даже не замечают, что постоянно обращаются к крепостным хотя бы чуть-чуть «свысока», словами, все время как бы напоминающими *Савельичам и Палашкам* об их приниженном положении, об их неравенстве с помещиками, которое выражалось и в неравенстве имен.

И вот это – самое страшное в крепостничестве: обычность несправедливости, которую не чувствовали даже такие по-своему хорошие и порядочные люди, как Гриневы или Мироновы.

А крестьяне должны были обращаться к своим господам – помещикам и дворянам только по имени-отчеству. Да еще добавлять при этом слова, подчеркивающие господское положение их хозяев: *сударь, барин, господин, ваше благородие, ваша милость* и т.д.

Ученики сравнивают то, как дворянин Петр Андреевич Гринев называет старого слугу-воспитателя (*Савельич*), который не раз выручал его из беды, и как Савельич зовет своего барина, совсем мальчишку (*Петр Андреевич, батюшка, сударь*. *Сударь* – это то, что и *господин*, вежливое обращение к богачам и вышестоящим людям). А пожилой ямщик, везущий Гринева на службу «в сторону глухую и далекую», обращается к нему со словом *барин*. *Барин* – так в старой России называли слуги своих помещиков, нижестоящие – вышестоящих. Дорожный же, который вывел заблудившихся в буране путников к постоялому двору, все время называет Гринева *ваше благородие*. Это – обращение, принятое к офицерам царской армии до чина (звания) капитана, а также к богатым людям и не военным. А Гринев был в чине сержанта гвардии.

Но почему же Пугачев продолжает так обращаться к Гриневу по самого конца повести? Ведь он уже не тот бродяга «в худеньком армяке», каким мы видели его в главе «Вожатый», а, согласно роли, которую он теперь играет, государь, царь, «император»! Ученики припоминают, что и его

«фельдмаршал» (высший офицерский чин в царской армии XVIII века) Афанасий Белобородов тоже называет пленного Гринева *его милость* (*ваша милость* – обращение к графам, баронам, высоким вельможам). Таким образом, и Пугачев и Белобородов этими своими обращениями, характерными для отношения нижестоящего к вышестоящему, сами того не замечая, выдают свое крестьянское происхождение – привычно продолжая обращаться к младшему офицеру, «мальчишке» как мужики всегда обращались к барину. Вековая привычка вежливо и почтительно называть своих господ брала свое. И, несмотря на перемену социальных обстоятельств, она не могла исчезнуть сразу из сознания простого народа.

Как составную часть этнокультуроведческого комментария мы использовали и различную *текстовую наглядность* (таблицы, композиции, плакаты, рисунки и иллюстрации), а также материалы Этнокультуроведческого толкового словаря «Русский язык и русская культура» [См.:8], включающего в словник и толкование таких антропонимов, как *Савельич, Палашка* и др. С помощью комплексного этнокультуроведческого комментария учащиеся смогли лучше понять ту иерархию – «лестницу» отношений, которая определяла положение как самых знатных представителей русского дворянства XVIII – XIX вв., так и крепостного крестьянства, а также национально-культурную специфику русских имен, отчеств и фамилий. При новых встречах с русской антропонимикой, титулами и обращениями, характерными для русской культуры того времени, в других произведениях русских классиков учащиеся уже комментировали их самостоятельно.

Заключение.

Данные проведенного нами экспериментального обучения свидетельствуют о том, что исследование национально-культурных особенностей восприятия языка и культуры страны изучаемого языка, в нашем случае

– русского, нерусскими учащимися необходимо для корректного формирования этнокультуроведческой компетенции учащихся. Изучение русскоязычного литературного курса с учетом этнокультуроведческой методики, приемов, используемых в соответствии с типами конкретной лексики национально-культурным компонентом, в частности комплексного этнокультуроведческого комментария, и ее ролью в художественном произведении, заметно углубляет знания учащихся по русскому языку и литературе. Привлечение материалов этнокультуроведческих словарей, работа с безэквивалентной и фоново-коннотативной лексикой и афористикой развивает навыки и умения самостоятельного анализа национально-культурных аспектов художественного произведения, а также построения этнокультуроведческих комментариев к данной лексике, в частности – к национально-культурным особенностям русской антропоники; Национально-культурно ориентированное обучение русскому языку и литературе формирует у школьников и студентов плодотворную эстетическую установку на то, чтобы при анализе литературно-художественного произведения идти от слова, от художественного образа, – к новым выводам об особенностях идейного содержания текста; прививает любовь и вкус к русской образной речи, интерес и уважение к национальной культуре

русского народа, знание и понимание примечательных ее черт.

Литература

1. Шейман Л.А. Национально-культурные аспекты курса русского языка и литературы. – В кн.: Этнокультуроведение: педагогическое сопряжение языков и культур /Ред.-сост. М.Х. Манликова. – Бишкек: КРСУ, 2014. – С.

2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Изд. 2-е. – М.: Рус. язык, 1976. – 248 с.

3. Левый И. Искусство перевода (Пер. с чешского и предисл. В. Россельса). – М.: Прогресс, 1974, -С. 150.

4. Манликова М.Х. Этнокультуроведение на уроках русской литературы. – Бишкек, 2005.

5. Белинский В.Г. Письмо к Гоголю (1847 г.) – Полн. собр. соч. в 13 тт.; Т.Х. - М.: Изд-во АН СССР, 1956, -С. 123. *Подчеркнуто Белинским*

6. Манликова М.Х. Этнокультуроведческий словарь «Русский язык и русская культура». – Бишкек, 2005. – 396 с.

7. Полякова Е.Н. Из истории русских имен и фамилий. – М.: Просвещение, 1975. -160 с.

8. Манликова М.Х. Этнокультуроведческий словарь «Русский язык и русская культура». – Бишкек, 2005. – 396 с.